

За что ненавидят евреев

Не надо думать глупости

Почти во все времена и почти у всех народов были люди, ненавидевшие евреев. Многие задаются вопросом: "За что? Почему?" И я спрашиваю себя: "За что?" Хотя знаю много причин антисемитизма, но не знаю ни одной такой причины, по которой его не должно было быть.

В "Письмах с земли" Марк Твен писал: "Все народы ненавидят друг друга, и все вместе они ненавидят евреев".

Начнем с того, что люди друг друга не любят. Более того, они друг друга ненавидят. Приходится признать, что, к сожалению, это свойство имманентно человеческой психике, что господь обрек людей на распри. История человечества - это история войн. Ненавидели и воевали друг с другом англичане и французы, немцы и французы, русские и поляки, русские и немцы, армяне и азербайджанцы, известны истребления армян турками, албанцев сербами, а сербов албанцами. Всего не перечислишь. Ксенофобия - явление повсеместное. Кого чаще всего ненавидят? Да тех чужаков, которые рядом. А кто жил рядом почти со всеми народами за последние 2000 лет? Конечно, евреи. Вот вам и первый ответ на проклятый вопрос. В качестве объекта ненависти и всесветного козла отпущения ("Героическая личность, козья морда", - как сказал Высоцкий) они всегда были незаменимы потому, что не имели ни государства, ни земли, ни армии, ни полиции, то есть ни малейшей возможности защитить себя. У сильного всегда бессильный виноват. Бессильный вызывает всенародный гнев, и ярость благородная вскипает, как смола. Итак, первая причина беспрецедентной стойкости и распространённости антисемитизма состоит в том, что евреи, не имея собственного государства, слишком долгое время жили среди слишком многих народов.

Далее. Евреи дали миру единого бога, бибблию, закон морали на все времена. Они дали миру христианство - и отказались от него. Дать человечеству христианство и отказаться от него - это такая обида, которая "в сем христианнейшем из миров" не имеет прощения. О причинах такого отказа мы здесь не будем говорить. Это загадка, которая бросает вызов лучшим умам уже 20 веков. Кто только ни предлагал евреям отказаться от иудаизма! Магомед предлагал им принять ислам и стать рядом с ним у истока новой веры - они отказались и получили непримиримого врага. Мартин Лютер призывал евреев стать его соратниками в борьбе против католицизма и помочь ему в основании протестантской конфессии - евреи отказались и вместо союзника получили ярого юдофоба. Философ Василий Розанов, которого трудно обвинить в симпатии к евреям, недоумевал по поводу такого поведения, не находя в нем ни малейшего признака корысти. Как! Почему и уважению и прочим неисчислимым благам народобоготца, давшего миру Христа и всех апостолов, предельно судьбу презренного изгоя, окруженного стеной ненависти? Как-то не очень клеится с представлением о евреях как о существе корыстном и трусовом. Парадокс. Отказ от христианства определил дальнейшую судьбу евреев, став важнейшим источником антисемитизма.

Далее. Евреи - это народ Книги. Любят читать, и все тут! А. П. Чехов, описывая жизнь заштатных уездных городков России, неоднократно отмечал, что в таком городке можно было бы закрыть библиотеку, если бы не девушки и не молодые евреи. Страсть к чтению всегда приобщила евреев к культуре других народов. Тот же В. Розанов писал, что если немец всем сосед, но никому не брат, то еврей проникается культурой того народа, среди которого живет, он заигрывает с ней, как влюбленный, проникает в нее, участвует в ее создании. "В Европе он лучший европеец, в Америке - лучший американец". В настоящее время это едва ли не главный упрек, который бросают евреям юдофобы. "Русский народ унижен, - кричат антисемиты в России, - евреи отняли у него культуру". Перечислить все блестящие еврейские имена во всех областях человеческой деятельности просто нет никакой возможности. Это не прибавляет им любви окружающих...

Евреи уверенно занимают первое место в мире по уровню образования и общественной активности. Историк Л. Н. Гумилев назвал это качество пассионарностью. По его теории этнос - это живой организм, который рождается, взрослеет, достигает зрелости, затем стареет и умирает. Обычный срок жизни этноса, по мнению Гумилева, - две тысячи лет. В период зрелости у народа появляется максимальное количество пассионарных личностей, т.е. выдающихся политических деятелей, ученых, полководцев и пр., а у старых, умирающих этносов таких людей почти нет. Историк подтверждает свою теорию многочисленными примерами, а те случаи, которые не укладываются в его учение, он просто не упоминает. Уровень пассионарности еврейского народа, история которого насчитывает уже четыре тысячи лет, никогда не снижался. Философ Н. Бердяев писал: "Есть что-то унизительное в том, какое количество гениев среди евреев. На это я могу сказать господю антисемитам только одно - делайте сами великие открытия!" Несчастная - для евреев! - склонность проникать в культуру других народов, активно участвуя в ее развитии, а также невиданная пассионарность во всех областях жизни - вот главные причины антисемитизма в настоящее время.

У этой проблемы есть еще один аспект - психиатрический. Почти у каждого человека есть тайные страхи и фобии, явные или скрытые пороки и недостатки, вольные и невольные прегрешения. Один из способов избавления

от этих страхов и мучительного недовольства собой - извлечь их из своей души, из глубины подсознания на свет божий, громко заявить о них, приписав, однако всю эту скверну не себе, а кому-то другому, кого не жаль, и сосредоточить на нем всю свою ненависть. Таким объектом, которому приписывают собственные пороки, испокон веков служили евреи. Антисемитизм имеет зоологический характер, т.е. идет из глубины подсознания. За двадцать веков он превратился в устойчивый стереотип, который усваивается с молоком матери и передается из поколения в поколение.

Надобно иметь недоожинную силу и крепость, чтобы противостоять этому массовому психозу, имеющему характер пандемии, но рождение, воспитание и вся жизнь подавляющего большинства людей не дают, к сожалению, этой силы и крепости. Почти каждый человек, заглянув в свою душу, найдет в ней следы неприязни к евреям. И сами евреи здесь не составляют исключения. Они такие же люди, как и все, они дышат этим же воздухом нетерпимости. Столкнувшись с каким-нибудь еврейским подонком, евреи нередко испытывают ту же специфическую неприязнь, что и не евреи, забывая, что каждый народ имеет право на свои негодяев, которых всюду пруд пруди. Антисемитизм - это диагноз. Психиатрия должна бы включить его в свои учебники как один из видов психического расстройства, маниакального психоза. Хочется сказать господю антисемитам: "Это ваша проблема, идите и лечитесь".

Наша психика так устроена, что мы любим своего ближнего за то добро, которое ему сделали, и ненавидим за то зло, которое ему причинили. Масса зла, причиненного евреям европейцами за 20 веков, так огромна, что она сама по себе не может не стать причиной антисемитизма. Они ненавидят евреев за то, что задушили в газовых камерах 6 млн, т.е. треть всего народа. Это злодеяние, равного которому не видел свет, лишь внешнело двухтысячелетнюю историю истребления евреев в Европе. Теперь дети Каина отмылись добела, смыли кровь и читают Израилу мораль. Они теперь гуманисты, они борцы за права человека, а Израиль - агрессор, угнетающий невинных арабских террористов. Антисемитизм в Европе достиг уровня тридцатых годов, и это понятно и объяснимо. Европейские гуманисты, клеветца на Израиль, словно говорят миру: "Посмотрите, кого мы уничтожили! Это же агрессоры! Мы были правы, а если Гитлер и виноват, то только в том, что не успел окончательно решить еврейский вопрос". Весь пафос современной европейской критики Израиля укладывается в эту несложную мысль, которая выглядывает из каждого их рассуждения об арабо-израильской войне, как шило из мешка. Факты - упрямая вещь, но антисемитское сознание упрямее фактов. Факты говорят, что, начиная с 1948 года, Израиль много раз подвергался нападению со стороны арабских государств, а сам лишь защищался, отвечая ударом на удар, и виноват лишь в том, что оказался сильнее агрессора и победил. Антисемитское сознание не желает этого знать, оно ничего не видит, не слышит и с параноидальным упрямством называет белое черным, черное белым, агрессора - жертвой, а жертву - агрессором. Новая геббельсовская пропаганда преврат бал в Европе. Принцип такой - чем наглее ложь, тем скорее поверят.

Новоявленные гуманисты проливают крокодиловы слезы по поводу убийства шейха Ясина, этого животного, придумавшего живые бомбы, посылавшего палестинских мальчиков и девочек взрываться в автобусы с мирными пассажирами. Антисемитская чернь подняла вой во всем мире, она сочувствует архи-террористу, как никогда не сочувствовала его жертвам. Европейцы за 20 веков истребления евреев привыкли считать безнаказанное убийство еврея своим естественным правом и ныне до глубины души возмущены тем, что Израиль лишил арабов этого права и посмел защищать своих граждан. Поборники прав человека пекутся о правах бандитов, организаторов террора против мирного населения, а не о правах жертв. Они различают два террора - плохой и хороший. Плохой террор - это когда Израиль уничтожает главарей террора. Тогда все кричат караул и созывают Совет безопасности. Хороший террор - это когда убивают евреев. Тогда гуманисты удовлетворенно молчат и ничего не создают. (Кстати, Путин пообещал, что будет мочить террористов в сортире, но осудил убийство Ясина. Видимо, Путина огорчило, что Ясина замочили не на унитазе.)

У евреев теперь есть свое государство. Антисемитская чернь во всем мире никогда больше не помешает нам защищать свое человеческое достоинство и право на жизнь.

В одном из рассказов А. Платонов описал маленького еврейского мальчика, пережившего страшный погром. Этот мальчик в ужасе и смятении обратился к своему русскому соседу с вопросом: "Может быть, евреи действительно такие плохие люди, как о них говорят?" - и получил ответ: "Не надо думать глупость".

Вот и мне хочется, вслед за Платоновым, сказать всем поддавшимся антисемитскому психозу:

"Не надо думать глупость".

Раиса Левинская

(Продолжение)

«ПРИЕЗЖАЙТЕ В МОСКВУ», - НАПИСАЛ ГРИБОВ, ВОТ Я И ПРИЕХАЛ: ГОЛОДРАНЕЦ С ДЕРЕВЯННЫМ ЧЕМОДАНЧИКОМ...»

- В свое время вы обратились с письмом к одному из мхатовских корифеев Грибову...

- ...да, к Алексею Николаевичу - я посмотрел фильм-спектакль «На дне», где он играл Луку, и был так потрясен! И вообще, мне эта пьеса ужасно нравится - я даже Марку Анатольевичу говорил: «По-чему бы «На дне» не поставить? Нераскрытая вещь!».

- Актуальная до сих пор...
- Каждая фраза - афоризм, ну, например, Васыка Пепел у Луки спрашивает: «Слушай, старик: Бог есть?». Тот, улыбаясь, молчит. «Ну? Есть? Говори!» - «Если веришь - есть; не веришь - нет... Во что веришь, то и есть». (Смеется). И таких фраз полно! Хотя Горький много плохого сделал...

- ...конечно...
- ...но его пьесы! «Дети солнца», поставленные Борисом Бабочкиным «Дачники»... Кстате, какие были в Украине певцы! Боже мой, мне было пять лет, я на «Наталку Полтавку» Котляревского и «Запорожец за Дунаем» Гулака-Артемовского попал... Был тут такой бас, Иван Паторжинский, и две чудесные певицы - Мария Литвиненко...

- ...Вольгемут...
- На первый слог ударение, не на последний?
- На первый...
- И Петрусенко еще...
- ...Оксана...
- Точно, а потом, позднее, Зоя Гайдай - лирико-колоратурное сопрано. Ох, как они пели! - вообще, какой замечательный украинский язык, красотища какая!
- Что-то из украинской классики помните?
- Ну, конечно, правда, такого баса, как у Паторжинского, у меня нет - у него шляпинский был. В «Запорожці за Дунаем» он пел:

Ось послухай, що вчинилось...
Страх мене бере і тепер!
Лишенько таке зробилось,
Трохи, трохи я не вмер!
Занедажу на дорозі, -
Та й набрався ж я бід!
Так що ледве вже на возі
Привезли мене сюди!..

Красота, правда? Удивительный язык!
- К Грибову вы обратились с просьбой?
- Написал, что хотел бы экзамен в Школу-студию Московского Художественного академического театра держать...
- ...и он?

- Честно признаюсь: я бы сегодня никому не ответил, а он сподобился! Вот такие были люди - лучше, чем я! Старые люди... «Приезжайте в Москву», - написал Грибов, вот я и приехал - голодранец с деревянным чемоданчиком... Когда собирался, коллеги-артисты отговаривали: «Куда ты? Ты же молодого Ленина в пьесе «Семья» Попова сыграл, ты в свои 23 к званию заслуженного претендент!» Нет, я решил узнать, примут ли меня в Школу-студию МХАТ.

Приехал, во МХАТе как раз спектакль «Плоды просвещения» шел, где Грибов играл. Ждал его на проходной, он вышел... «Алексей Николаевич, - напомнил, - я вам писал...». - «А, да-да. Ну давай проводи меня домой и что-нибудь почитай!». Я удивился: «Как, на ходу?» - «Да» - и мы пошли.

Я стал финал «Тараса Бульбы» читать: «Четыре дни бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и камнями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробился было уже козаки и, может быть, еще раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул (тут я на всю улицу Горького заорал. - Л. Б.): «Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьи ляхам!» И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную спутницу на морях и на суше, и в походах, и дома...».

Дошли с Грибовым до его дома, он внимательно выслушал и сказал: «Сейчас же лето, они все на дачах... Я через три дня их соберу. Тебе есть где жить?» А я на Казанском вокзале остановился...

- ...хорошее место...
- ...да, три дня там, как божь, кантовался. «Есть», - говорю. «А деньги?» Я голодный, ни копейки в кармане, но кивнул: «Есть, все есть». Через три дня прихожу...

- ...кошмар!...
- ...а он меня ждет, подъезжают на машинах Массальский, Блинников, Топорков, собираются...
- ...почти все - народные СССР...

- Грибов велел: «Подожди меня здесь». Вошел к ним - долго там был, потом выходит и говорит: «Ну, прочти им, только не кричи так в конце, потише». Я очень хорошо прочитал, а когда закончил, Топорков сказал Сарычевой, завкафедрой сценической речи (кстати, я с ней потом и «Тараса Бульбу» по-настоящему сделал, и голелевскую «Шинель», и самый лучший чеховский рассказ «Тоска»); «По-моему, у него какой-то украинский акцент». А я же не в курсе был, кто это, и вмешался: «Извините, я вас не знаю, но это не украинский акцент. Я же могу и так произнести: «Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьи ляхам!», но специально говорю: «...нэ хочу, шоб...» - это же Гоголь, украинско-русский писатель». Он рассвирепел: «Все-таки, Елизавета Федоровна, займитесь им - вы же Качалову провинциальный акцент исправили!» - и мы так с ней работали!..

...Я первым прозаиком Гоголя число, а вторым - Чехова: дальше Толстой и Достоевский идут. Ну, такое мое мнение... Ты посмотри, какие у Николая Васильевича строчки, например, из «Шинели»: «Нечего делать, Акакий Акакиевич решил идти к значительному лицу. Какая именно и в чем заключалась должность значительного лица, это осталось до сих пор неизвестным.

Нужно знать, что одно значительное лицо недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом. Впрочем, место его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими, еще значительнейшими» - это почти Моцарт!

А финал какой: «И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы его в нем и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимания и естествонаблюдателя, не пропускающего посылить на булавку и обыкновенную муху и рассмотреть ее в микроскоп: существо, переносившее покорно канцелярские насмешки и без всякого чрезвычайного дела сошедшее в могилу, но для которого все же таки, хотя перед концом, мелькнул светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь».

Ну и Чехов, конечно - его «Тоску» ты, наверное, не помнишь?

- Нет...

- Значит, еще немного времени отниму: я хочу, чтобы ты понял, как эти люди писали! Там из духовного стиха эпитафия: «Кому повем печаль мою?..», а дальше: «Вечерние сумерки. Крупный мокрый снег лениво кружится около только что зажженных фонарей и тонким мягким пластом ложится на крыши, лошадиные спины, плечи, шапки. Извозчик Иона Потапов весь бел, как привидение. Он согнулся, насколько только возможно согнуться живому телу, сидит на козлах и не шевелится. Упал на него целый сугроб, то и тогда бы, кажется, он не нашел нужным стряхивать с себя снег... Его лошаденка тоже белая и неподвижна. Своею неподвижностью, угловатостью форм и палкообразной прямизною ног она даже вблизи похожа на копечную прыжковую лошаду. Она, по всей вероятности, погружена в мысль. Кто оторвали от плуга, от привычных серых картин и бросили сюда, в этот омут, полный чудовищных огней, неугомонного треска и бегущих людей, тому нельзя не думать...».

«МНЕ НАДОЕЛА ВАША ЖИРНАЯ МОРДА!» - ЗАКРИЧАЛ ЭФРОС. «ЖИРНАЯ МОРДА, - ВОЗРАЗИЛ Я, - ЭТО УЖЕ ПЕРЕХОД НА ЛИЧНОСТИ. ТОГДА, АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, ПОЗВОЛЬТЕ ЗАМЕТИТЬ: ВОТ ВЫ ВЕДЬ ЕВРЕЙ, НО ЭТО НЕ ВАША ВИНА, А ВАША БЕДА»

- Прекрасно, а кто в Школе-студии МХАТ с вами учился?

- С дипломом Ташкентского ГИТИСа меня сразу на третий курс приняли...

- ...и там?..

- Ну, во-первых (я поступил позже, поэтому не знал), со второго курса Петю Фоменко отчислили - за хулиганство. Знаешь, что он сделал? Ему Ольга Леонардовна Книппер-Чехова позвонила и сказала: «Я не могу сегодня у вас в Школе-студии быть - плохо себя чувствую», и Петя с приятелем быстро надел шляпку, вуаль, они сели в машину, приехали... Выскочили все: директор, парторг, и когда раскусили, в чем дело, Фоменко выгнали с треском! (Смеется). Во-вторых, на моем курсе были Ирина Скобцева, Светлана Мизери, Людмила Иванова, Игорь Кваша, недавно ушедший...

- ...Волчек, наверное...

- ...Галя Волчек, Толя Кузнецов. Владлен Давыдов мне, помню, сказал: «У тебя физиономия совсем не советская, тебя не будут снимать, а вот Толика Кузнецова - будут». Ну, он сыграл в сотнях фильмов, а я - в десятках: «Семинадцать мгновенный весны», «Похищение «Савойи», «Тот самый Мюнхгаузен», «Вооружен и очень опасен», «Покровские ворота», «Формула любви», «Небеса обетованные»... В нескольких картинах, по сути.

- Но каких!

- Ну, неважно - можно, оказывается, и так, а вообще, я у Эфроса долго учился. Знаешь Анатолия Васильевича?

- Вы же 16 лет под его руководством работали...

- Да-да, причем человеческие отношения были плохие - никакие не было, вообще. В отличие от Захарова, которого я просто люблю, и он меня, по-моему, тоже. Марк Анатольевич очень сдержанный человек, но я это чувствую; у артиста с режиссером такое взаимопонимание редко бывает.
- Это правда, что Эфрос кричал вам при всех: «Мне надоела ваша жирная морда!»

- Правда - мы репетировали «Дон Жуана», главную роль играл Любшин, а я - отца Дон Жуана...

- Это на Малой Бронной было?

- Да, и Эфрос, в общем, мне говорит: «Ну, упадите на пол». Я упал, тогда он - Любшину: «А вы его по лицу ногой!». Тот так осторожно, чуть припрунулся, а Эфрос: «Да кто ж так бьет?». Любшин сильнее ударил, а Эфрос в крик: «Вам показать, что ли?!» - и тот ка-а-ак ботинком мне врезал! Я встал и ушел с репетиции...

- Кошмар какой!

- Директором театра был Николай Дупак...

- ...который потом снова на Таганку ушел?

- Да - сидит он, его заместителем, парторг, все от страха трясется... Я вернулся, сказал: «Вот заявление, я с этим человеком работать не буду - это уже не репетиция, а физическое издевательство». Тут Эфрос ворвался: «Я вас сотру в порошок!». - «Анатолий Васильевич, - говорю, - Лаврентий Пальч уже всех в лагерную пыль грозила - ничего у него не получится». - «Мне надоела ваша жирная морда! Сидите всегда на репетициях нога на ногу, обувь свою показываете...». - «Жирная морда», - возразил я Эфросу, - это уже переход на личности. Тогда, Анатолий Васильевич, позвольте заметить: вот вы ведь еврей, но это не ваша вина, а ваша беда». Он побелел и ушел, и больше мы не общались, но он и дальше меня занимал и даже давал главные роли.

Так, о чем это я? - ты меня сбил, Дима, немножко... Ах да, однажды Эфрос сказал: «Самое трудное на сцене, во-первых, ничего не делать и, во-вторых, когда ты чувствуешь, что зритель от тебя устал, уйти в тень, не молотить ему глаза». Сделать это очень трудно, потому что артист для того создан, чтобы быть в свете, и я этому научился.

Моя любимая роль у Марка Анатольевича в «Чайке» была (кстати, мы Госпремию Российской Федерации получили), где я доктора Дорна играл, - мне так нравилось! Очень мало текста, но я не могу передать, какая это прелесть. Там, например, Аркадина спрашивает, поехать ли Сорину лечиться. Я говорю: «Что ж. Можно поехать. Можно и не поехать», а после фразы: «Лечиться в 60 лет!» - был гром оваций.

Затем Сорин (его Юрий Кольчев играл) говорит: «В молодости когда-то ничего в жизни не получилось. Всю жизнь хотел жениться - не женился, хотел стать писателем - не стал. Всю жизнь мечтал жить в городе, а заканчиваю свои дни в деревне». Я добавляю: «Ну, всю жизнь хотел стать действительным статским советником. Ста?»; а Сорин: «Я к этому не стремился, это вышло само собой». Замечательный, удивительный Чехов! Я говорю: «Вы знаете, выражать недовольство жизнью в 62 года - согласитесь, это невеликодушное». Сорин отвечает: «Жить хочется». - «Это легкомыслие». Дорн - одна из самых любимых моих ролей - этот спектакль мы лет 15 играли, на полных аншлагах.

(Продолжение в следующем номере)

СЧАСТЛИВЫЙ МАЭСТРО ВИОЛОНЧЕЛИ АМИТ ПЕЛЕД

Недавно на сцене Большого зала Московской государственной консерватории при поддержке Посольства Государства Израиль состоялось интересное и волнующее музыкальное событие - концерт Камерного оркестра «Kremlin» (дирижер - Михаил Рахлевский) с участием одаренного и обаятельного виолончелиста Амида Пеледа (Израиль-США), чье исполнительское мастерство хорошо известно ценителям камерной музыки по всему миру. А. Пелед активно и успешно гастролирует, выступает с известными оркестрами, преподает в Консерватории Пибоди при Университете Джона Хопкинса, проводит мастер-классы.

Российская публика очень тепло встретила совместную программу талантливого маэстро виолончели и Камерного оркестра «Kremlin», в которой были представлены классические творения Л.-В. Бетховена, И. Гайдна, Ф. Мендельсона и новое произведение современного американского композитора и музыкального теоретика, профессора Д. Лефковича, написанное специально для Камерного оркестра «Kremlin». Но особенное впечатление на слушателей произвело исполнение знаменитой пьесы М. Бруха «Кол Нидрей» для виолончели с оркестром.

После концерта Амит Пелед с удовольствием дал небольшое интервью для наших читателей.

- Амит, расскажите, пожалуйста, откуда ваши корни?

- Я родился в Израиле и рос в маленьком кибуце, но знаю, что по линии прабабушки Гени мои корни из России, - она была среди переселенцев, которые приехали в Палестину в начале XX века. До сих пор помню, что бабуля любила попить чай вприкуску с сахаром, варила борщ. А еще пела и играла на скрипке. К сожалению, по-русски я не говорю. Другая, сефардская, ветвь нашего рода тянется из Испании. Так что в семье - большое смешение корней и культур, что очень типично для Израиля.

Родители научили меня быть честным, искренним, открытым к общению, привили желание постоянно развиваться. Сначала я учился в Израиле, потом в Йельском университете, в Консерватории Новой Англии в Бостоне, в Берлине... Теперь я сам профессор, преподаю в Университете Джона Хопкинса. Для евреев, находящихся вне Израиля, именно хорошее образование - главное, что позволяет достичь успеха. Сейчас я живу в Америке, моя жена - немка, которая приняла иудаизм. У нас трое детей, они ходят в еврейскую школу, изучают основы религии, дома говорят на иврите, хотя, конечно, владеют еще английским и немецким. Мы встречаем шabbаты, отмечаем праздники. Я хочу, чтобы у детей формировалась и крепла связь с еврейской культурой и историей.

Сохранять идентичность особенно важно, когда живешь вне Израиля. Америка - огромный плавильный котел, там ощущаешь себя даже в большей степени евреем, чем в Израиле. В еврейской традиции семья всегда занимала особое место, мне очень тепло, когда я об этом думаю. Повсюду в мире в пятницу вечером зажигаются свечи, на столе есть хала - как прекрасно! Люблю атмосферу шabbата, запах субботних блюд, - я хотел бы это сберечь и передать дальше.

- Музыка сразу стала вашей судьбой или был выбор?

- В том, что это - призвание, никаких сомнений не было. Хотя, в детстве, поскольку я высокий, сначала занимался баскетболом. Мне нравилась девочка, которая училась играть на виолончели, я хотел быть ближе к ней, и это предопределило мою дальнейшую жизнь. Начал играть в десять лет, что довольно поздно, но сразу увлекся музыкой, она стала моей настоящей страстью. Родители никогда не заставляли меня заниматься, я сам это делал с огромным усердием и удовольствием.

- Существуют ли у вас любимые музыкальные произведения?

- Я люблю творчество разных композиторов, но обычно увлечен, прежде всего, тем, что играю в данный момент. Час назад это была пьеса «Кол нидрей» Макса Бруха, полтора часа назад, концерт до мажора для виолончели с оркестром Йозефа Гайдна. Исполнение музыкальных произведений сродни театральным постановкам, требует полного вживания в материал. Для того чтобы стать великим музыкантом, нужно быть и великим актером, уметь становиться частью целостности.

Я вчера прилетел из Америки, ночь не спал, но это не имеет значения: к моменту выхода на сцену необходимо забыть обо всем и ощутить себя в произведении. Никого не волнует, что тебя бросила подруга или кто-то (не дай Б-г) умер в семье, - требуется на время все отодвинуть. И если ты исполняешь грустную пьесу, а на самом деле только что женился и очень счастлив, нужно иметь силы переключиться на минор. Играя сложные вещи Шостаковича о тоталитаризме, подавлении личности, надо все понять, прочувствовать и передать, несмотря на то, что ты сам этого не видел и не переживал. А исполняя пьесы Дебюсси, придется представить Елисейские Поля и Париж, чашечку кофе в кафе, красивых женщин... Для того чтобы сыграть «Кол нидрей» Бруха, необходимо знать, что это за молитва, какое значение имеет Йом Кипур, видеть перед глазами синагогу, раввина, покрытого талитом.

Точно как в актерстве: если ты не любишь горячо то, что исполняешь, публика это сразу чувствует. Поэтому в минуты выступления нужно осознавать, что, кроме этой музыки, в жизни сейчас больше ничего нет. Перед концертом можно быть усталым и спрашивать себя, кому и зачем это необходимо. Зато после него наступает вознаграждение: ты полон энергии, сил и отчетливо понимаешь, для чего все это делаешь.

- Как бы вы определили вашу исполнительскую миссию?

- Разделить с людьми музыку и чувства, показать миру, как прекрасна классика, - это то, что всех нас объединяет. На концертах я часто разговариваю с публикой, рассказываю о своих переживаниях, размышляю. Таким образом, общение происходит и через исполнение, и через слово. Я мечтаю, чтобы классическая музыка стала доступна и понятна всем.

- Вы уже не в первый раз выступаете в нашей стране. Какое сложилось мнение о российской публике?

- В России я побывал уже четыре раза, до конца года еще приеду в Санкт-Петербург. Всегда поражаюсь тишине в зале и вниманию, с которым люди воспринимают произведения. Они приходят действительно, чтобы услышать музыку. Считаю, что в России и в Германии - лучшая публика в мире для восприятия классического репертуара. После концерта никто не стремится поскорее покинуть зал, наоборот, - зрители долго аплодируют, дарят цветы, проявляют свои эмоции. Это всегда очень приятно. В Америке нет такой традиции выражения уважения к исполнителю, к музыкальному событию. Там платят деньги, получают то, что хотят и сразу торопятся обратно в свою жизнь.

Но существует некий контраст между моим восприятием невероятной богатой российской культуры, истории и окружающей реальности. Я люблю общаться с публикой, восхищаюсь архитектурой Москвы и Санкт-Петербурга. Россия - действительно удивительная страна! Но сегодня меня обманули при расчетах в такси, это происходит уже второй раз. Расстраиваюсь, что в российском обществе такое социальное расслоение, люди не могут быть полностью свободными, богатства страны контролируют олигархи, а большинство населения еле-еле сводит концы с концами. Смешанные чувства, в России я не чувствую себя в безопасности.

- У вас есть большая мечта?

- Хочу сам быть здоровым, и чтобы мои дети тоже были здоровы. Желая продолжать делать то, чем занимаюсь сейчас. Мне нравится выступать и преподавать. Я чувствую себя удачливым, счастливым, в отличие от многих людей моего возраста. У них, может быть, много денег, но они не позволяют себе вырваться из замкнутого круга: каждый день ходят на работу, которую не любят, бесконечно ждут отпуска. А я получаю удовольствие от всякого момента своей жизни и деятельности.

- Чем вы занимаетесь, если в гастрольном графике выдаются перерывы?

- С удовольствием играю в баскетбол с сыном. Посещаю игры МБА, слежу за спортивными событиями по телевидению и через интернет. Еще люблю лепить скульптурки из глины, это меня успокаивает. Иногда провожу время за стаканчиком виски и кубинской сигарой. Я очень рад, что моя жена - человек по-немецки очень организованный, поэтому нам удастся разумно сбалансировать жизнь. Каждое лето мы проводим вместе с детьми, путешествуем. В перерывах между гастролями обязательно есть свободные дни, которые посвящаю родным, мы общаемся, я с радостью, полноценно выполняю все отцовские функции. Мне кажется, это дает всем гораздо больше, чем ежедневные контакты в некоторых домах, где люди на самом деле по-настоящему не интересуются друг другом. Помимо семьи существует другая важная часть жизни - музыка, преподавание. Близкие уважают мои занятия, знают, что я не могу находиться с ними постоянно. Будь иначе, я не чувствовал бы себя счастливым.

Беседовала Наталья Лайгинен

27 января - Международный день памяти жертв Холокоста

«Я выполнила свой долг перед Родиной, хотя она меня об этом и не просила»

О жизни Руты Ванагайте когда-нибудь напишут книгу и снимут кино. Тот сюжет, который представляет собой ее биография, не придумает ни один сценарист.

Она родилась в 1955 году в Шауляе, в литовской семье, стала успешным журналистом, писателем, театральным и телевизионным продюсером. Она была советником премьер-министра Литвы по вопросам связей с общественностью, вела успешные избирательные кампании и в 1993 году была названа «Женщиной года». А потом стала писать книги. И здесь ее тоже ждал успех - ее «Не бабуле лето» о мире женщин за пятьдесят, стала бестселлером.

Но в 2014 году Руту ждало потрясение, полностью изменившее ее жизнь, - в том году в ее стране открылись архивы советского КГБ. Изучая историю своей семьи по ранее секретным документам, она поняла, откуда в их доме оказались многие привычные ей с детства вещи - некоторые из ее родственников принимали участие в Холокосте...

Рута погрузилась в документы, изучала протоколы допросов НКВД, свидетельские показания, она поехала по Литве, общаясь с оставшимися в живых очевидцами тех событий. И она поняла, что такую книгу

не напишет больше никто. Люди боялись говорить о том, что происходило в стране с приходом туда нацистов, люди - через семьдесят лет (!) - были в панике, отказывались с ней разговаривать, захлопывали перед ней двери: «Говорили, еще придут и убьют. Кто убьет? Литовцы! Они знают, что в большинстве случаев евреев конвоировали, охраняли или убивали отцы, или деды, соседей...»

Ровно два года тому назад, в январе 2016 года, книга «Наши» («Musiskiai») увидела свет. С самого начала она вызвала эффект разорвавшейся бомбы. Первое издание было раскуплено за два дня. Родные Руты сказали, что она предает родственников, многие друзья отвернулись от нее, сказав, что она предает Родину...

Книга Руты Ванагайте шокирует. Это хроника зверских убийств 200 тысяч евреев, причем совершенных по большей части литовцами, бывшими соседями. Машина уничтожения работала так исправно, и в ней было столько добровольцев, что евреев везли для уничтожения даже из других стран. Она рассказывает о разграблении еврейских домов и о том, что почти в каждом литовском доме есть вещи убитых евреев.

Благодаря ей Холокост стал в 2016-м году самой обсуждаемой в стране темой. «Возможность открыто говорить о роли Литвы в трагедии стала той границей, которая отделила молодых, открыто мыслящих литовцев от старого советского поколения. Процесс излечения, наконец-то, начался».

Предложив своей стране взглянуть на свое прошлое открытыми глазами и признать свою вину, Рута Ванагайте пожертвовала своей карьерой, друзьями, родными. «Я выполнила свой долг перед Родиной, - говорит она, - хотя она меня об этом и не просила».

Еврейская община с прискорбием извещает о кончине Юрия Соломоновича Гольденберга, зихроно левраха, и выражает соболезнование родным и близким

Еврейская община выражает глубокое соболезнование Дмитрию Цвibelю в связи с кончиной его мамы Цвibelь Тамары Сергеевны

**АНТИСЕМИТИЗМ - ЭТО СОЦИАЛИЗМ
ДУРАКОВ И НЕВЕЖД**

А.Бебель

Наша кухня

Эсик-флейш (Кисло-сладкое мясо)

На 6 порций: 1,5 кг жирной говядины, 4 дольки чеснока, 200 г черствого черного хлеба, 250 г чернослива, 4 большие луковицы, 4 стручка корицы, 10 г сахара, 3 г лимонной кислоты, соль, перец по вкусу

Разогреть в хромированной кастрюле подсолнечное масло до 100% и в кипящее масло поместить мелко нарезанный репчатый лук, довести его до золотистого цвета. Заложить в кастрюлю мясо, нарезанное ломтиками и накрыть крышкой. В течение 20 минут оно должно пустить сок, после чего лук «растворяется» и придает мясу насыщенный цвет. В кастрюлю добавить воды и продолжить тушить. Через час добавить стручковую корицу, чернослив, мелко нарубленный чеснок. Когда мясо приобретет светло-коричневый цвет, сделать очень слабый огонь. Через полтора часа, когда мясо станет мягким, в кастрюлю добавить соль, сахар, лимонную кислоту. Перед готовностью размочить хлеб, мелко крошить в соус, размешать. В течение 5-6 минут, соединяясь с хлебом, соус станет густым. В последнюю очередь добавить черный перец и гвоздику. (Если, попробовав, вы решите, что лимонной кислоты больше чем нужно, добавьте столовую ложку меда или сахар по вкусу.) Приготовленное блюдо не перемешивая переложить в чугунок (стручки корицы при этом можно вынуть), поставить в духовой шкаф и «довести» 25 минут при температуре 180 градусов. При отсутствии чугунка мясо можно поставить в духовку в той же кастрюле.

Издатель: Петрозаводская еврейская религиозная община
185035 г. Петрозаводск, а/я 360,
тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talif@karelia.ru

Редактор:
Дмитрий Цвibelь
www.jc-ptz.ru

Еврейская община имеет честь поздравить с Днем рождения

КАУФМАНА ЗАЛМАНА САМУИЛОВИЧА

пожелать здоровья, бодрости
И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Еврейская община имеет честь поздравить с Днем рождения

КАУФМАН РЕВЕРКУ СОЛОМОНОВНУ

пожелать здоровья, бодрости
И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Тефтели кисло-сладкие

3/4 кг. говяжьего фарша, 4 стл. тертого лука, 1 яйцо, 2 чл. соли, 3 стл. кукурузного крахмала, 2 стл. жира, 1,5 стл. говяжьего бульона, 2 стл. лимонного сока, 1 лимон, нарезанный тонкими ломтиками, 1/4 стл. изюма, 3 стл. сахара, перец, имбирь.

Смешайте фарш с луком, яйцом, солью и перцем, скатайте небольшие шарики и обваляйте их в крахмале, растопите жир в глубокой сковороде и обжарьте в нем шарики, затем положите лимон, изюм, сахар, залейте бульоном и лимонным соком, закройте крышкой и тушите на слабом огне 35 минут положите имбирь и продолжайте тушить еще 10 минут.

Рыба кисло-сладкая

1 2 луковицы, нарезанные тонкими кольцами, 2 лимона, нарезанные тонкими ломтиками, 1/4 стл. изюма, 1/2 ст. жженого сахара, 1 лавровый лист, 6 кусочков рыбы (щука, сиг, лосось), 2 чл. соли, 1/2 чл. имбиря, 1/3 ст. винного уксуса, 1/4 ст. рубленого миндаля

Жирный творог (если сухой - добавить сливочного масла) смешать с вымоченной, пропущенной через мясорубку сельдью, чесноком и луком. Заправить сметаной. Подавать к отварному картофелю

Приятного аппетита!

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой «Принт» ул. Лизы Чайкиной, д.8
тел. 78-20-18, факс 78-12-26

Тираж 100 экз.